

О Б Щ Е С Т В О И Р Е Ф О Р М Ы

Н.Е. ТИХОНОВА

Социокультурная модернизация в России**(Опыт эмпирического анализа)****Статья 2***

В предыдущей статье были рассмотрены проблемы методологии эмпирического измерения степени модернизированности сознания и поведения на микроуровне, а также проанализированы особенности экономического сознания россиян [Тихонова, 2008]. Посмотрим теперь, как эволюционировали взгляды россиян за последнее десятилетие по краеугольным позициям, характеризующим специфику их ценностей и норм (прежде всего, в экономической сфере), а затем – как изменились пропорции носителей тех или иных типов мировоззрения среди российского населения. Однако прежде чем продолжить анализ этапа социокультурной модернизации, которую переживает сейчас Россия, напомним три краеугольных обстоятельства, вытекающие из проведенного в первой статье анализа.

Это прежде всего *незавершенность процессов социокультурной модернизации в сфере экономического сознания россиян*. Проявления ее достаточно многообразны, и важнейшие среди них – специфическое отношение к природным ресурсам, четкое деление на "своих" и "чужих" с соответствующим недопущением "чужих" к собственности на значимые условия существования сообщества, ряд специфических особенностей восприятия частной собственности и прав бизнеса, в частности значимость их морально-этической легитимации и относительная незначимость юридически закрепленных прав собственности и т.д. Впрочем, все эти особенности в период социокультурной трансформации характеризуют население любой страны, совершающей переход от традиционного (доиндустриального) к современному (индустриальному) типу обществ.

Второе обстоятельство, обусловленное спецификой именно российской модели развития, связано с *легитимностью всевластия государства и его особой ролью в экономике, позволяющей говорить о том, что этакратизм с характерной для него сращенностью власти и собственности по-прежнему остается в России нормой для общественного сознания*. Право государства на ограничение прав частных собственников вплоть до прямого изъятия этой собственности (но только в части собственности на

* Статья подготовлена в рамках работы по проекту "Социокультурная модернизация России как фактор повышения конкурентоспособности страны в глобализирующемся мире (субъектный подход)" № 06-03-00558а, осуществляемому при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

средства производства, а не используемой для личного потребления), статус государства как основного собственника и субъекта экономического развития, патрон-клиентские отношения между ним и населением и т.д. – лишь некоторые следствия господства в общественном сознании этакратической модели развития как нормы.

Наконец, третье обстоятельство, связанное с динамикой развития экономического сознания россиян, – тот факт, что *ни переход к рыночной экономике сам по себе, ни социализация в новых условиях родившихся уже в годы "перестройки" и реформ поколений молодежи не приводят к разрушению их традиционалистского по сути (хотя при этом и вполне рыночного) экономического сознания. Более того, последние годы продемонстрировали, скорее, своего рода ренессанс этой модели.*

Посмотрим теперь, что можно сказать о динамике разложения в России традиционалистской модели сознания, если обратиться к данным о неэкономических аспектах мировосприятия россиян. Начну с наиболее характерных для традиционалистской модели общественного сознания особенностей – априорной приоритетности интересов общества в дилемме "личность–общество"; непонимания "нормальности" существования плюрализма интересов индивидов и социальных групп и отсутствия толерантности к этому плюрализму; отсутствия понимания демократической организации общества как оптимальной формы согласования плюрализма интересов; тесно связанной с этим специфическим пониманием демократии и функций оппозиции; несформированности понятия "прав человека"; отношения к традиции как к приоритетной по отношению к писаному праву, и т.п. При этом обратим внимание прежде всего на понимание россиянами роли и функций государства в этих вопросах, а также на динамику отношения к ним россиян.

Особенности ситуации во взглядах россиян на права человека, оппозиции и политических партий, с одной стороны, и государства – с другой, отражены на рисунке 1. Здесь видно, что многие "аксиоматичные" для обществ модерна нормы (например, что каждая политическая партия в принципе должна иметь шанс возглавить правительство) не являются таковыми для большинства россиян. Более того, практически по всем позициям (исключение составляют лишь выбор в дилемме, чьи интересы должно отстаивать государство – общества или личности, и понимание роли оппозиции в обществе) за последние годы произошел откат от характерного для общества модерна понимания прав человека и сути демократии в целом. Да, в общественном сознании по-прежнему доминирует убеждение, что человек должен иметь право отстаивать свои взгляды, даже если большинство придерживаются иного мнения (лишь 4% с этим не согласны, а остальные согласны частично или затруднились с ответом), что каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций (доля несогласных – 12%), что настоящая демократия невозможна без политической оппозиции (доля несогласных – 6%), что каждая политическая партия должна в принципе иметь шанс возглавить правительство (доля несогласных – 12%). Однако по всем этим позициям, за исключением права человека "тихо" иметь собственное мнение, согласно с ним меньше половины населения, а вектор изменений за последние 10 лет демонстрирует весьма заметное сокращение их сторонников. Причем наибольшее сокращение продемонстрировало число сторонников прав человека отстаивать свои интересы с помощью демонстраций (14%) и даже просто иметь собственное мнение в противовес мнению большинства (10%). В то же время выросла – и также весьма заметно – доля сторонников всевластия государства.

И то и другое свидетельствует о легитимности в общественном мнении перераспределения власти в пользу государства, произошедшего в последние годы. Можно сделать вывод, что в 2000-е гг. учет властью ожиданий общества, в отличие от ситуации в эпоху Б. Ельцина, привел не просто к дополнительному росту кредита доверия государству, но и к "реанимации" легитимности этакратической модели развития, казалось бы, уже начинавшей утрачиваться в общественном сознании еще несколько лет назад. То есть *рост доверия к власти способствовал расширению делегиро-*

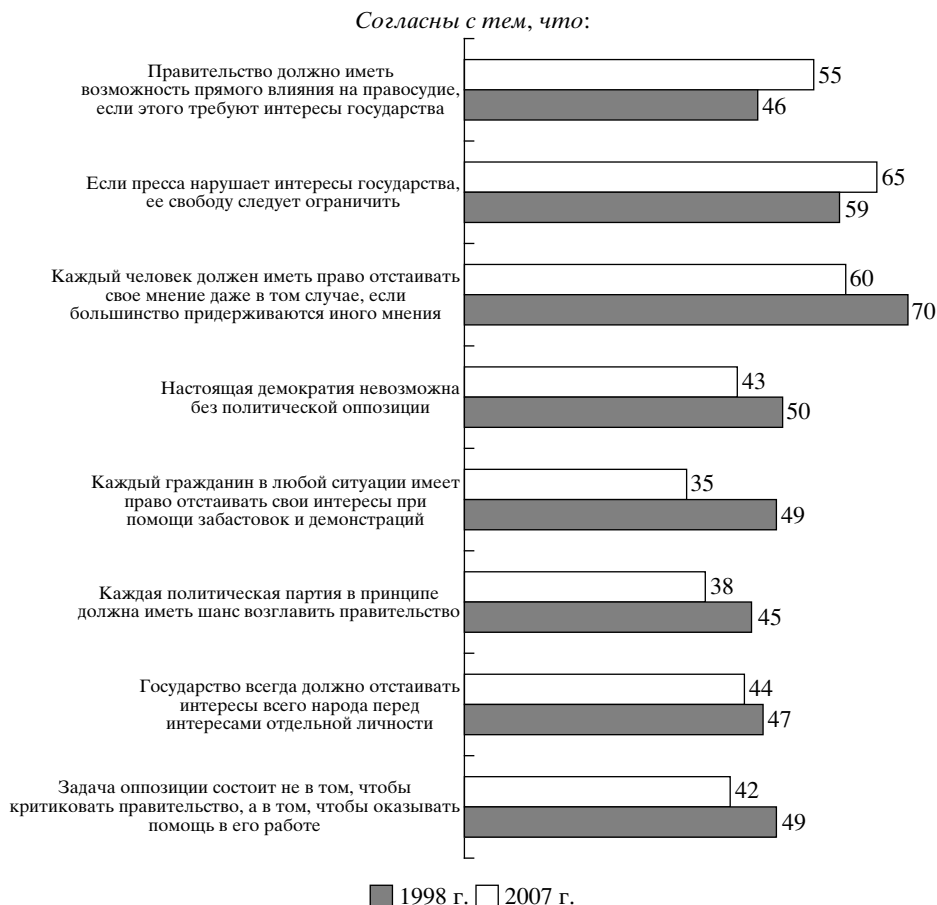

Рис. 1. Динамика взглядов россиян по некоторым вопросам, 1998–2007 гг. (в %)¹

вания ей права действовать, руководствуясь интересами государства, а не существующими в стране законами, вплоть до прямого влияния на правосудие и ограничения свободы слова².

Однако такое расширение сторонников всевластия государства связано не с укреплением этакратической модели как таковой, а именно с ростом доверия россиян к нынешней политической элите, и прежде всего к президенту страны. Падение

¹ В статье используются данные исследований Института комплексных социальных исследований РАН 1998 и 2004 гг. "Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить", и Института социологии РАН 2007 г. "Российская идентичность в социологическом измерении". Все исследования проводились по общероссийской выборке численностью от 1750 до 3000 человек, репрезентировавшей взрослое население страны по региону проживания, типу поселения и полу. При этом выборка строилась таким образом, что в нее не попадали респонденты старше 65 лет.

² В то же время нельзя не отметить, что выросший за последние два десятилетия прагматизм россиян и их крайняя неудовлетворенность всеми формами легальной защиты своих интересов на микроуровне в немалой степени повлияли на усиление запроса к власти в области учета государством интересов не только общества, но и отдельной личности. Эту позицию можно было бы сформулировать так: "Государство, конечно, должно руководствоваться интересами общества, но не забывать и о том, что мы тоже существуем и должны иметь какие-то возможности защищать свои интересы – если не от него, то хотя бы от других людей".

Специфика некоторых ценностных ориентаций в разных возрастных когортах, 2007 г.
(в %, без затруднившихся с ответом)

Ценности (выбор в альтернативных парах)	Возрастные когорты				
	16–25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–55 лет	56–65 лет
Я уверен(а), что смогу обеспечить себя и свою семью сам(а), и потому не нуждаюсь в материальной помощи со стороны государства	42	41	37	33	16
Без материальной поддержки со стороны государства мне и моей семье выжить сложно	56	58	63	67	83
Главное – это уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование привычному, принятому большинством	37	44	55	55	65
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, готовность к риску оказаться в меньшинстве	63	54	45	45	34

ние уровня доверия к ним автоматически повлечет за собой и делегитимизацию этой модели, причем даже более быструю, чем при Ельцине. В пользу того, что дело обстоит именно так, свидетельствует, в частности, тот факт, что рост легитимности неправовых действий государства не сопровождался ростом правового нигилизма как такового. Во всяком случае, если говорить о сторонниках характерного для эпохи модерна приоритета законов или о типичной для традиционалистского сознания потребности прежде всего в "добром барине", то картина за последние 10 лет практически не изменилась. И хотя она по-прежнему свидетельствует о господстве среди россиян не характерного для обществ модерна правового нигилизма – половина населения уверена в необходимости для России хороших руководителей, а не "хороших законов" (на приоритет последних ориентированы лишь около 40% населения), и только каждый пятый считает, что всегда и во всем следует соблюдать букву закона, – доля сторонников этих взглядов в последние годы не увеличилась. Несколько отвлекаясь здесь, нельзя не упомянуть, что своего рода апофеозом характерного для россиян правового нигилизма выступает убеждение, что руководителям нужно подчиняться только в том случае, если ты согласен с их требованиями, – убеждении, разделяемом 64% россиян. Не случайно наиболее действенным и распространенным методом защиты своих интересов для населения России выступает саботаж, а не переговорный процесс с властью и работодателем и не митинги или демонстрации.

Оценивая этап и динамику социокультурной модернизации России на микроуровне, следует отметить также, что в последние годы *наблюдаются рост характерных для традиционалистского сознания установок на пассивность и доминирование внешнего локус-контроля, растут патерналистские ожидания и т.д.* Во всяком случае, 69% россиян сейчас убеждены, что без материальной поддержки государства им выжить сложно, и лишь 31% полагают, что смогут самостоятельно обеспечить себя и своих близких. При этом патерналистские ожидания доминируют сегодня во всех без исключения возрастных группах, а доминирование конформистских установок начинается лишь у респондентов старше 35 лет (см. табл. 1).

Что же касается тесно связанного с распространенностью патерналистских ожиданий и конформистских установок типа локус-контроля, демонстрирующего, считает ли человек себя игрушкой в руках судьбы и обстоятельств или же творцом сво-

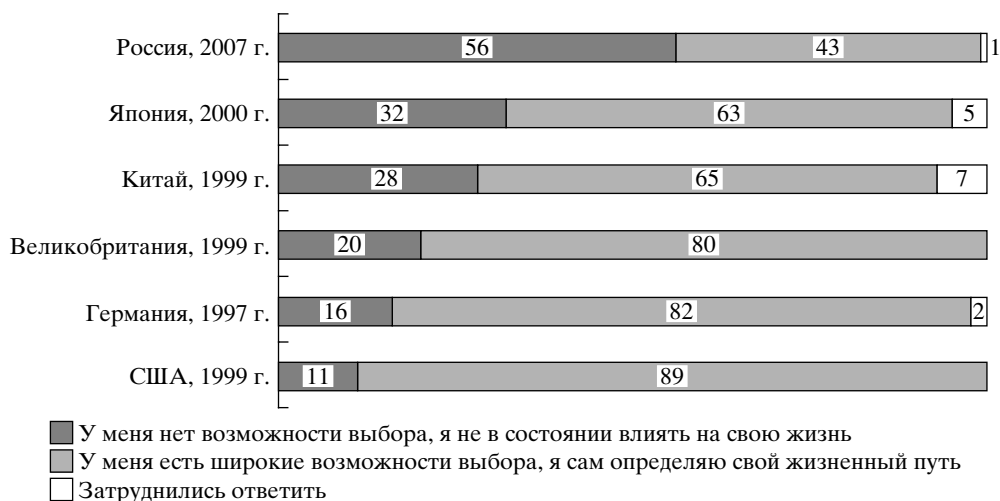

Рис. 2. Распространенность внешнего и внутреннего локус-контроля у граждан разных стран мира (в %)³

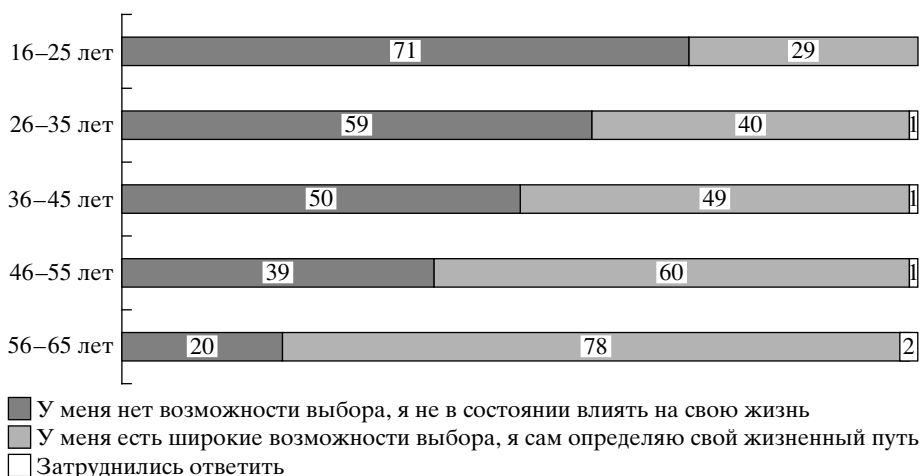

Рис. 3. Распространенность внешнего и внутреннего локус-контроля у представителей разных возрастных когорт, 2007 г. (в %)

ей жизни, самостоятельно и сознательно конструирующим свой жизненный путь, то в настоящий момент для россиян характерно четкое доминирование внешнего локус-контроля. В большинстве своем (56%) жители России убеждены, что они не в состоянии повлиять на собственную жизнь (см. рис. 2). При этом, учитывая обычную связь типа локус-контроля либо с западным, либо с восточным типом цивилизаций, интересно, что по распространенности внешнего локус-контроля Россия сегодня намного обогнала и Японию, и Китай – классические восточные цивилизации.

Любопытно, что если говорить о динамике изменений в этой области, то, хотя внешний локус-контроль всегда был характерен для России в большей степени, чем для стран старой Европы и США, в 1990 г. разрыв тут между ними был несопостави-

³ Здесь и далее данные по Великобритании, Германии, США, Японии и Китаю приводятся по исследованию World Value Survey (WVS).

мо меньше, чем сейчас. Если тогда в России лишь 38% полагали, что у них нет возможности выбора и они не в состоянии повлиять на собственную жизнь, то в Германии так считали 28%, в Великобритании – 29%. В Японии же, по данным исследования WVS, число сторонников этой точки зрения составляло в 1990 г. 43%, и по показателю распространенности внешнего локус-контроля она отставала тогда от России. Однако вступление в эпоху демократических преобразований и рыночных отношений, которая, казалось бы, должна была раскрепостить россиян, предоставить им новые права, свободы и возможности, на деле привело к обратному результату. Последние 17 лет динамика показателей локус-контроля не только в России и странах Запада, но даже в России и Японии движется в диаметрально противоположном направлении.

Вот почему мне представляется, что *распространенность внешнего локус-контроля в современной России – результат не только особенностей переживаемого Россией этапа социокультурной модернизации, но и тех объективных и очень тяжелых обстоятельств, в которые попали большинство жителей России в последние полтора десятилетия.* О том, что в основе доминирования внешнего локус-контроля лежат не только особенности национального менталитета, но и реальности объективно сложившейся в России ситуации, свидетельствует и распределение его показателей у разных возрастных когорт. Во всяком случае, в когортах до 35 лет, характеризующихся относительно большей востребованностью на рынках труда, отчетливо доминирует внутренний локус-контроль, в когорте 36–45 лет его распространенность сравнивается с внешним локус-контролем, а после 45 лет распространенность внешнего локус-контроля резко нарастает (см. рис. 3).

Таким образом, доминирование патерналистской ориентации в сознании россиян во многом связано с их неспособностью в силу имеющихся структурных ограничений самостоятельно решать свои проблемы. Однако, учитывая уже сложившийся в итоге произошедшей в 1990-х гг. структурной перестройки экономики профиль последней, вряд ли можно ожидать существенных изменений в существующих внешних структурных ограничениях. А следовательно, *сложившаяся в России модель экономики будет и дальше работать на консервацию многих особенностей характерного для традиционных обществ типа сознания, прежде всего – установки на воспроизводство "от века" заданных образцов.* Во всяком случае, как видно из таблицы 1, большинство возрастных когорт (и 55% населения в целом) сегодня убеждены, что уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование привычному, принятому большинством важнее, чем инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, готовность к риску оказаться в меньшинстве. При этом 44%, то есть почти половина всех россиян, занимают в этом вопросе прямо противоположную позицию, считая, что инновационность и инициативность важнее следования традициям.

То же "раздвоение" общественного сознания характеризует и отношение к конформистским/нонконформистским установкам – чуть больше половины россиян (52%) полагают сегодня, что жить, как все, лучше, чем выделяться среди других. Причем если говорить о динамике этого показателя, то стоит отметить его устойчивость (см. рис. 4) – исключением являлся лишь период середины 1990-х гг., когда резкий слом привычного миропорядка вызвал серьезный, хотя и временный, сдвиг во многих базовых ценностях и жизненных установках россиян.

В этой связи надо сказать, что *какой бы вопрос об оптимальной модели взаимоотношений личности, общества и государства мы ни взяли, по всем присутствует разделение российского общества на две противостоящие друг другу и достаточно массовые части. И это качественно отличает ситуацию по "гуманитарной" составляющей воззрений россиян от куда более консенсусной ситуации с их экономическими воззрениями.* Так, весь период наблюдений фиксируется наличие довольно устойчивой по численности группы, насчитывающей 27–30% населения, убежденной, что России вполне подходят такие ценности, как индивидуализм, либерализм и западная демократия (причем 30% населения в 2007 г. даже были уверены, что Россия должна стремиться войти в ЕС). В то же время остальные столь же твер-

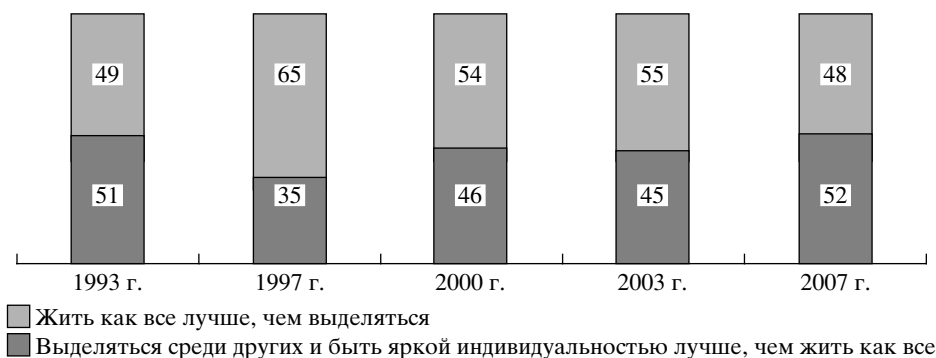

Рис. 4. Динамика выбора россиян в дилемме конформизм–нонконформизм, 1993–2007 гг. (в %)

до убеждены, что для России важны прежде всего чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство, хотя далеко не всем им лично близки эти ценности. Весь период наблюдений фиксируется и наличие довольно устойчивой по численности группы, насчитывающей 20–25% населения, которая хотела бы жить в обществе социальной свободы, а не социального равенства, и т.д.

Впрочем, говоря о значимости свободы для россиян, нельзя не отметить, что она, будучи для большинства из них важной смыслообразующей ценностью, как правило, в их представлениях не связана напрямую с демократией. Поскольку для большинства из них свобода – не гарантируемая демократической организацией общества система прав и свобод индивидов и меньшинств, а "воля", то есть возможность ощущать себя личностно независимым, быть "самому себе хозяином". В то же время динамика взглядов россиян в отношении свободы свидетельствует о плавном нарастании доли тех, кто воспринимают ее через призму норм общества модерна, а не в характерном для России анархическом ключе, как некое Гуляй-поле, по которому "бродят свободные кони и люди". Во всяком случае, если в 2007 г. доля сторонников понимания свободы как возможности быть самому себе хозяином лишь ненамного превышала долю понимания ее как совокупности политических прав и свобод человека (52% против 48%), то десять лет тому назад, в 1997 г., это соотношение выглядело как 67% против 33%⁴. Однако *восприятие свободы как "воли" и сегодня продолжает доминировать, и в этой связи становятся лучшие понятны и негативное отношение большинства россиян к "начальникам", и чрезвычайно популярное среди российского населения стремление иметь собственный бизнес – даже если речь идет о простой самозанятости, и их правовой нигилизм, проявляющийся в самых разных формах.*

Учитывая тесно связанное с незавершенностью процесса социокультурной модернизации сосуществование среди граждан нашей страны носителей различных типов сознания, целесообразным представлялось эмпирически оценить не только динамику взглядов россиян по тем или иным конкретным вопросам, но и *динамику численности носителей разных типов общественного сознания* – ведь из уже приведенных данных ясно, что сегодня в российском обществе сосуществуют как *традиционалистски и патерналистски* настроенная часть населения, так и те, чье *видение мира строится на идеях личной ответственности, инициативы, индивидуальной свободы, словом, представляет собой картину мира, характерную для эпохи модерна.* При этом какие-то позиции являются для сознания той и другой

⁴ Данные общероссийского мониторинга Российского независимого института социальных и национальных проблем (июль 1997 г., выборка 1748 человек).

группы "ядерными", краеугольными, а какие-то – периферийными, хотя для их антиподов именно они выходят на первый план. Более того, при эмпирическом анализе этой проблематики надо учитывать и тот факт, что *как массовая социальная группа, имеющая модернизированный тип сознания, группа сторонников индивидуальной свободы и личной ответственности в российском обществе только начинает формироваться, хотя история ее "ядра" достаточно длительна* (вспомним традиционный для России спор "западников" и "славянофилов"), а следовательно, сознание многих представителей этой группы лишь освобождается от остатков традиционалистской картины мира и во многом противоречиво в своих оценках.

Методически задача выделения групп с разными типами сознания была решена с помощью построения специального индекса, включавшего 9 позиций, по которым взгляды традиционалистски и модернистски ориентированных групп заведомо должны были различаться с учетом тех критериев модернизованности сознания, о которых говорилось в первой части данной статьи [Тихонова, 2008] – предпочтение общества индивидуальной свободы обществу социального равенства; значимость демократии; согласие с тем, что России подходит западный путь развития; ориентация на инициативность; отсутствие патерналистских ожиданий по отношению к государству; убеждение, что России нужны в первую очередь хорошие законы, а не хорошие руководители; несогласие с тем, что государство: должно отстаивать интересы общества в целом, а не каждого гражданина; имеет право ограничить свободу слова, если пресса нарушает его интересы; имеет право влиять на правосудие, если этого требуют его интересы. Для отнесения к модернистам респонденты должны были набрать более половины этих индикаторов, то есть тех особенностей сознания, которые характерны для эпохи модерна. Те, кто в большинстве (то есть не менее чем по 5 из 9 позиций индекса) случаев выбирали альтернативные позиции, были отнесены к традиционалистам. Остальные оказались в составе "промежуточных".

Для проверки адекватности полученных групп исследовательским задачам были выделены "ядерные" для каждой из противоположных групп позиции. Как показала статистическая проверка, наибольшую статистическую значимость для традиционалистов из переменных кода имело пренебрежение к нормам правового государства, в том числе убеждение, что государство имеет право влиять на правосудие (*Adj. standardized* – стандартное отклонение – 17,8) и ограничивать свободу прессы (17,6). Далее следовали выбор общества социального равенства в дилемме "общество социального равенства – общество индивидуальной свободы" и убеждение, что индивидуализм, либерализм и западная демократия для россиян не подходят, им важны чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство (по 15,8). Чуть менее важна (14,3–14,5) была ориентация на значимость традиций, а не инициативы, а также ожидания материальной поддержки со стороны государства. Все остальные позиции, при всей их значимости (X^2 менее 0,1), все же заметно уступали перечисленным (*Adj. standardized* – 9,4–11,9). Таким образом, *стержнем этого типа сознания выступали представление о "нормальности" всевластия государства, отрицание идеи правового государства и принятие как нормы этатристической модели развития. Расплатой государства за такую их готовность принять любые его неправовые действия с точки зрения представителей этой группы должна была стать материальная поддержка населения вплоть до обеспечения в обществе равенства доходов и условий жизни* (подробнее см. [Тихонова, 2005^a]). Естественно, такая модель предполагала согласие с неприемлемостью для России западного пути развития.

Иначе выглядела картина по модернистам. Для них наиболее значимым из всех входящих в расчет индекса позиций был выбор в дилемме общество индивидуальной свободы – общество социального равенства (*Adj. standardized* – 17,2). Далее следовали несогласие с убеждением, что индивидуализм, либерализм и западная демократия для россиян не подходят (16,1), выбор демократии в дилемме "демократия без гарантий личной безопасности или твердая власть с такими гарантиями, но без демократии" (16,0) и несогласие с правом государства ограничивать свободу прессы (15,3).

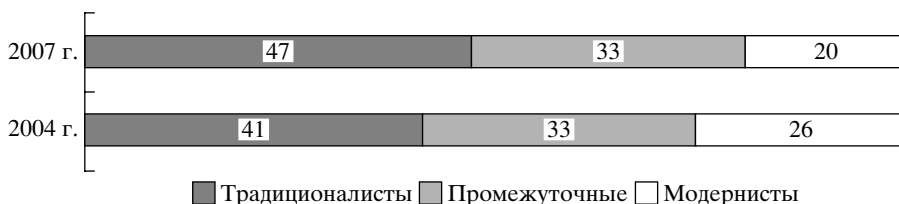

Рис. 5. Распределение россиян по типам мировоззрения, 2004–2007 гг. (в %)

Все остальные показатели также оказывались важными, но все же носили более периферийный характер (*Adj. standardized* – от 8,6 до 12,9). Таким образом, для модернистов ключевыми выступали не столько особенности взаимоотношений с государством, сколько ценности индивидуальной свободы и демократии, эту свободу гарантирующей.

Посмотрим теперь, какова была численность представителей каждого из трех основных типов мировоззрения⁵ в составе россиян до 65 лет включительно в последние годы. Как видно на рисунке 5, за последние три с половиной года доля представителей модернистского мировоззрения в составе населения России сократилась. При этом часть промежуточной группы "сползла" в традиционалисты, и в целом среди широких слоев населения наблюдается уже не раз упоминавшийся мной "ренессанс традиционализма". Эта тенденция затронула все возрастные группы (см. табл. 2). При этом если в 2004 г. в возрастной когорте до 25 лет доля модернистов была больше, чем доля традиционалистов, то теперь картина качественно изменилась и нет ни одной возрастной когорты, где модернисты "перевешивали" бы традиционалистов.

Говоря об особенностях состава этих групп, прежде всего стоит отметить, что сторонники диаметрально противоположных типов мировоззрения представлены во всех социальных группах, по какому бы критерию их ни выделяли – по материальному положению, социально-профессиональному статусу, месту жительства и т.д. И в этом плане можно говорить, скорее, о наличии в разных социальных группах приверженцев разных моделей развития общества, чем о том, что определенные соци-

Таблица 2

Доля приверженцев модернистского и традиционалистского мировоззрения среди представителей различных возрастных когорт (в %)

Типы мировоззрений	Возрастные когорты				
	16–25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–55 лет	56–65 лет
2007 г.					
Модернисты	27	25	21	15	11
Промежуточные	34	34	33	37	26
Традиционалисты	39	41	46	48	63
2004 г.					
Модернисты	37	32	27	19	13
Промежуточные	33	36	34	32	28
Традиционалисты	29	32	39	49	59

⁵ Частично их характеристику я давала в прошлых своих работах [Тихонова, 2006; 2005⁶], поэтому в данной статье приведу лишь новый материал по этой проблеме.

Рис. 6. Специфика взглядов групп с различными типами мировоззрения, 2007 г. (в %)

альные слои имеют жестко различающиеся между собой картины того общества, в котором они хотели бы жить.

Плюс такой ситуации в том, что она препятствует дезинтеграции российского общества на макроуровне. Однако при этом возникает серьезная проблема представления интересов групп с разным видением желаемой модели развития российского общества на политической арене. Ведь, как я отмечала выше, все "мировоззренческие" группы выступают за доминирование государства в экономике, но по-разному понимают при этом права государства, общества и личности во внеэкономической сфере. Это явно расходится с декларациями всех основных политических партий. На нескольких примерах кратко проиллюстрирую тезис о том, что реальные отличия данных групп проявляются в отношении к идее прав и свобод личности, хотя при этом даже модернисты не ставят под сомнение этакратическую модель развития как норму. Для этого использую как вошедшие, так и не вошедшие в расчет индекса индикаторы (см. рис. 6).

Из рисунка 6 хорошо видно, что в ключевом вопросе о взаимоотношениях человека и государства специфика представлений модернистов заключается в том, что они отчетливо тяготеют к правовому государству, в котором власть последнего ограничена. Не случайно наиболее ярко (разница более чем в 50% и "смена знака" на противоположный) разница между модернистами и традиционалистами проявляется в отношении к вопросу о приемлемости западной модели развития для России (61% разницы) с характерной для нее свободой прессы, которую не может ограничивать государство (61%), стремлением жить в обществе индивидуальной свободы (59%), где государство не имеет возможностей прямого давления на правосудие (56%), и т.п. В то же время государство, особенно в экономике, и для модернистов остается "стержнем" всей несущей конструкции общества – не случайно большинство их согласны с остальным населением в том, что следует расширить долю государственного сектора в экономике и что оно имеет право национализировать предприятия, наносящие ущерб его интересам.

На микроуровне модернистское сознание оказывается тесно связано с уверенностью людей в своих силах, ощущением себя "творцами своей судьбы", в немалой степени влияющей и на запрос их к идеальной модели общества и определяющей многие особенности их взглядов – от выбора эпохи, в которую они хотели бы жить, до понимания того, насколько важны для России те или иные признаки демократического устройства (см. рис. 7).

В целом на рисунках 6 и 7 хорошо видно, что сдвиги в сторону модернистского типа сознания начинаются на микроуровне с особенностей восприятия самого себя, своих возможностей (уверенность в собственных силах, желание жить "здесь и сейчас", установка на равенство возможностей, а не равенство доходов, нонконформизм, внешний локус-контроль). Следующим этапом выступает признание необходимости правового государства (независимость правосудия, важность хороших законов и т.д.), позволяющее реализовать определенную модель поведения, вытекающую из определенного самовосприятия. При этом в том, что касается отношения к государству, а также степени приемлемости западного пути развития для России "промежуточные" в массе своей разделяют взгляды традиционалистов. Таким образом, *разложение традиционалистского сознания происходит прежде всего через утилитарно-прагматическую составляющую мировоззрения, и лишь затем "доходит" до "ядерной" для традиционалистского сознания в его российской версии проблематики – всевластия государства и прав человека. И именно в этой части в последние годы и наметился ренессанс традиционализма при сохранении размывания его на уровне утилитарно-прагматической его составляющей*⁶.

Причем, и это очень важно, именно представленные на рисунках 6 и 7 особенности выделенных мировоззренческих групп выступают базовыми для разграничения представителей соответствующих типов мировоззрения и в наших предыдущих исследованиях по этим проблемам. Таким образом, *"ядро" этих типов мировоззрения остается неизменным, что и позволяет говорить о наличии реальных социальных групп, различающихся по их отношению к этим вопросам*, а не просто об обычных статистических распределениях в ответах респондентов.

В то же время динамика изменений отдельных позиций, характеризующих эти типы мировоззрения, была в последние годы несколько различна. Это свидетельствует о некоторой неустойчивости отдельных деталей соответствующих картин мира в общественном сознании. Неустойчивость эта не столь велика, чтобы поставить под сомнение вывод о сосуществовании среди россиян двух противоположных идеальных моделей желаемого общественного устройства, но достаточна для утверждения, что *процесс формирования сравнительно новой (если говорить о распространен-*

⁶ На рост роли утилитаризма, а не собственно модернизма, обращает внимание на основе данных своих многолетних эмпирических исследований динамики ценностей россиян и член-корреспондент РАН Н. Лапин. Стоит также вспомнить неоднократно высказывавшееся А. Ахиезером утверждение, что путь модернизации российских социокультурных стереотипов лежит через развитой утилитаризм.

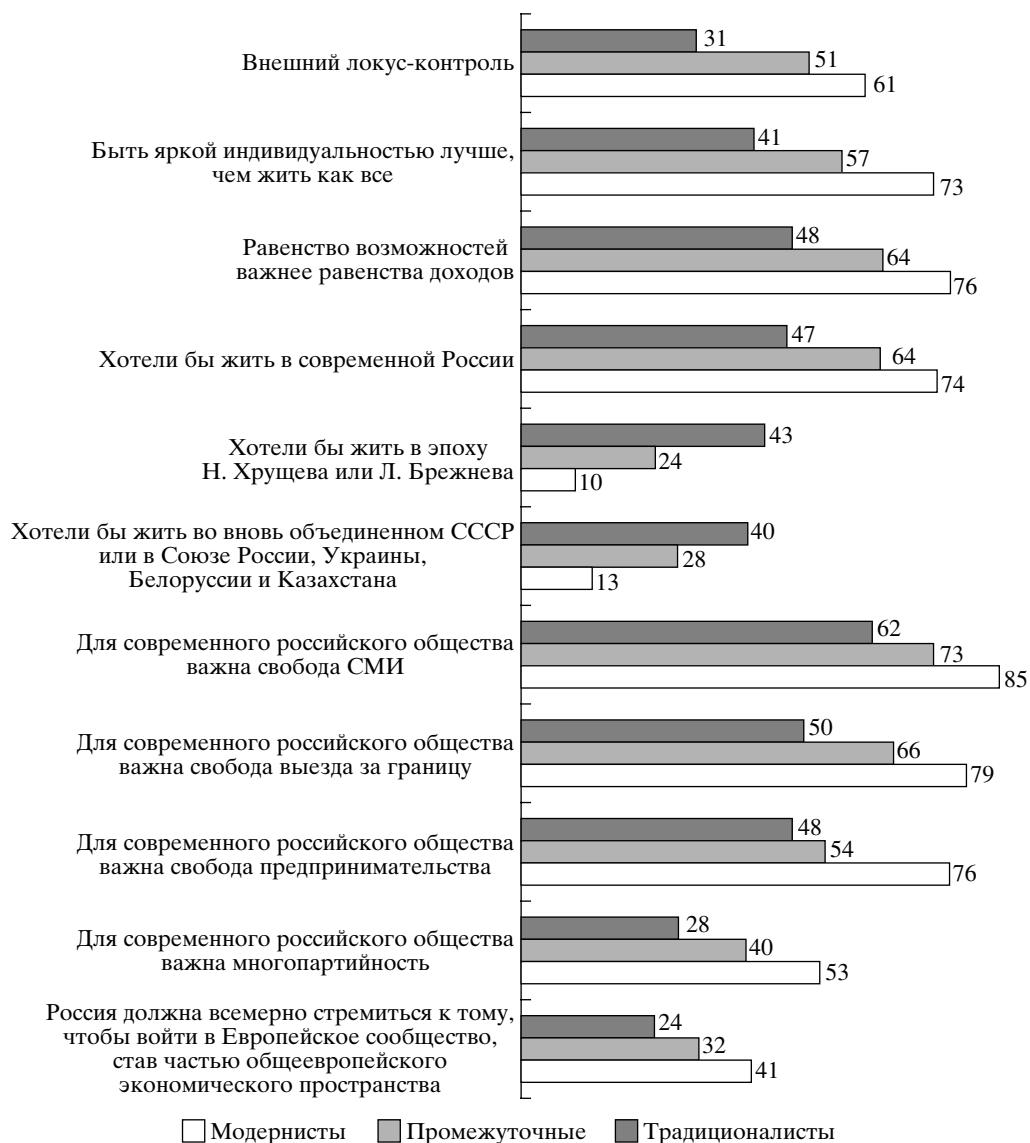

Рис. 7. Специфика взглядов по ряду вопросов в группах с разным типом ментальности (в %)

ности в массовых масштабах) модернистской картины мира находится в России скорее в начале своего пути, нежели близится к завершению. О незавершенности формирования модернистского типа мировоззрения даже среди тех россиян, которых я условно назвала "модернистами", свидетельствует не только специфика их экономических воззрений, но и неоднозначность их позиции в отношении ключевого противоречия между различными моделями общественного развития – вопроса о приоритетности интересов общества или личности (см. рис. 8).

Однако при этом среди модернистов за последние годы выросло (с 24 до 29%) неприятие такой трактовки роли государства, при которой оно должно отстаивать права общности даже в ущерб интересам и правам личности. Одновременно возросла, хотя и в меньшей степени, доля тех, кто были с нею согласны (с 28 до 30%). Про-

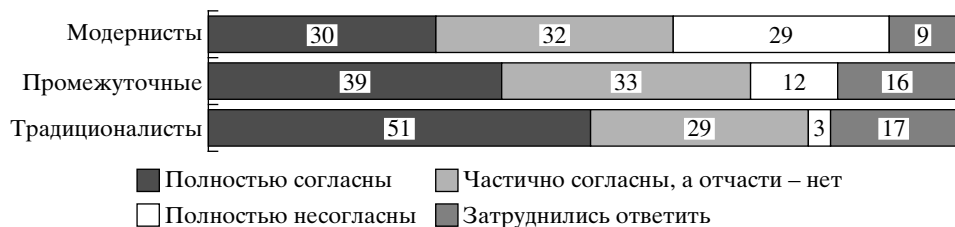

Рис. 8. Доля согласных с тем, что государство должно отстаивать интересы всего народа, а не интересы отдельных граждан в группах с разным типом мировоззрения, 2007 г. (в %)

изошло это за счет сокращения доли "частично согласных". Еще интереснее ситуация с динамикой взглядов по этому вопросу у традиционалистов – лишь 51% их в 2007 г. (при 63% в 2004 г.) полагали, что государство должно отстаивать интересы всего народа по отношению к интересам отдельной личности, зато резко (с 15 до 29%) выросло число тех, кто были согласны с этим лишь отчасти. Такая картина распределений свидетельствует о том, что не только в каждой из выделенных мировоззренческих групп идет постепенное, все более четкое осознание собственных позиций, но и о том, что во вполне традиционалистски в целом настроенной группе базовое, краеугольное основание легитимности этакратической модели постепенно начинает размываться при одновременном росте легитимности неправовых действий государства по отношению к другим субъектам общественной жизни – СМИ, предприятиям, оппозиционным партиям и т.д., что связано с ростом доверия к государству как таковому в "эпоху Путина".

Тем не менее, понимая уже неприемлемость неправовых действий государства, сопутствующих этакратической модели развития, и допуская для России западную его модель (включая как ее институты, в том числе международные, так и базовые ценности), даже модернисты не могут еще до конца осознать необходимость переосмысления роли и функций государства и характеризуются, вследствие этого, весьма своеобразным пониманием демократии (см. рис. 9). Как видно на рисунке 9, на уровне общих представлений о некоторых демократических нормах между модернистами и традиционалистами разница скорее количественная, чем качественная. Исключениями являются лишь убежденность в невозможности демократии без оппозиции (впрочем, и среди модернистов почти половина такую экзотическую модель демократии допускает) и отношение к легитимности насилия государства по отношению к своим гражданам. При этом во всех группах большинство респондентов полагают, что оппозиция должна оказывать правительству помощь в его работе, что жесткие требования, выражающие так называемый "частный интерес", могут повредить всеобщему благополучию, что при угрозе общественному порядку индивид не должен иметь права на отстаивание своих интересов. Последнее, впрочем, не означает отсутствия у индивидов права на собственное мнение и его защиту. Напротив, такое право за ним признается большинством во всех мировоззренческих группах. Но право это носит весьма ограниченный характер и присутствует только в подчиненном по отношению к правам и интересам всей общности положении. В то же время в распространенности этих взглядов модернисты все-таки несколько отличаются от "промежуточных" и, тем более, традиционалистов.

От чего же зависит в первую очередь принадлежность россиян к носителям принципиально разных типов мировоззрения? Данные предыдущих исследований показали, что в первую очередь это условия социализации, тот социальный контекст, в котором происходят воспитание и становление личности. Решающее значение имеет среда первичной социализации, где и происходит, собственно, усвоение тех или иных

Рис. 9. Специфика взглядов на некоторые демократические нормы в группах с разным типом мировоззрения (в %)

Рис. 10. Доля традиционалистов в числе россиян, выросших в разных типах поселений (в %, без затруднившихся с ответом)

ценностей и установок, а именно – образование родителей и тип поселения, где прошли детство и юность человека [Тихонова, 2006]. Учитывая же как динамику роста образовательного уровня населения, так и бурно проходившие в 30–70-е гг. XX в. процессы урбанизации, статистически значимым оказался также фактор возраста. В итоге *модернисты* – в массе своей относительно более молодые выходцы из образованных городских семей, а *традиционалисты*, вне зависимости от возраста, – чаще выходцы из не имеющих специального профессионального образования жителей сел и малых городов.

Однако при этом в последние годы наблюдалось относительное снижение значимости этих факторов, то есть ренессанс традиционализма затронул в первую очередь те группы, которые демонстрировали еще недавно относительно большую долю в своем составе модернистов. Например, среди тех, чьи родители имеют высшее образование,

доля сторонников традиционалистского и модернистского подхода к жизни соотносятся как 36 : 29. При этом еще три с половиной года назад это соотношение было прямо обратным, и доля модернистов превышала в этой группе число сторонников традиционализма (27 : 39). У детей родителей со средним специальным образованием это соотношение выглядит уже как 43 : 21; в 2004 г. оно выглядело как 32 : 34, то есть знак доминирования также сменился на противоположный. Среди тех, чьи родители имеют неполное среднее или общее среднее образование, две трети сейчас (2004 г. – около половины) являются последовательными представителями традиционалистского сознания, и только каждому восьмому свойственно модернистское мировосприятие.

Та же тенденция проявляется и в отношении типов поселений, в которых выросли представители различных мировоззренческих групп и где они чаще всего продолжают проживать. Тот ренессанс традиционализма, о котором я неоднократно говорила выше, затронул жителей всех городов, но особенно – средних и малых, в результате чего различия во взглядах городского и сельского населения в целом за последнее время стали заметно меньше (см. рис. 10).

В то же время в число значимых детерминант устойчивого модернистского мировоззрения попали другие, ранее не игравшие такой большой роли в этом факторы, и прежде всего включенность в информационные технологии, особенно регулярное использование Интернета. Среди тех, кто не знает о существовании Интернета или не имеет к нему доступа, традиционалисты составляют 59%, а модернисты – лишь 13%. В то же время среди пользователей Интернета доля традиционалистов составляет 33% при 27% модернистов. При этом *большинство модернистов составляют только в той, относительно немногочисленной (не более 10% всех россиян) группе, представители которой не только имеют доступ к Интернету и на работе, и дома, но и пользуются им ежедневно.* Свыше 80% в этой группе составляют те, чьи родители имеют высшее образование, и почти две трети ее представителей проживают в крупных городах, то есть это то ядро группы модернистов, которое характеризуется наиболее типичными для нее признаками.

* * *

Подводя итоги нашего рассмотрения, надо отметить следующее.

1. Хотя процесс социокультурной модернизации в России начался, но идет он очень медленно и противоречиво, подчас в "маятниковом" режиме. В целом можно говорить о том, что этап социокультурной модернизации, который переживает сейчас российское общество, можно охарактеризовать скорее как начальные ее шаги, нежели ее завершение.

2. Разложение традиционалистских взглядов начинается вполне прагматически, с оценки человеком самого себя как самостоятельно действующего и определяющего свою судьбу субъекта – ситуация, характерная именно для обществ модерна. Затем оно "докатывается" до осознания необходимости механизма защиты своих интересов (сначала не от государства, а от окружающих) и понимания отсутствия механизмов такой защиты в сегодняшнем российском обществе. Следующий шаг связан с признанием необходимости независимого правосудия, равенства всех перед законом, права отстаивать свои интересы при помощи массовых акций, и т.д. Отсюда уже недалеко и до признания необходимости свободы слова и других демократических свобод. Однако при этом даже сторонники последних пока воспринимают как норму базовое основание этакратической модели развития – роль государства в экономике, сращенность власти и собственности.

3. Внешние факторы (например, изменение государственной политики или ситуации в экономике, генерирующее ощущение, что человек полностью зависит от внешних обстоятельств) могут вызвать серьезные возвратные движения по принципу "шаг вперед – полтора назад". Однако при этом не надо путать временные, ситуативные откаты назад с устойчивой долговременной тенденцией разложения тради-

ционалистской модели сознания, ее эрозией. Если вспомнить представленную в первой части данной статьи таблицу базовых признаков традиционных и современных обществ, 13 из которых относились к проблематике социокультурной модернизации, то по 6 из них (отсутствие как доминирующего типа личности, ориентированного на саморазвитие и достижения; доминирование неэкономических соображений среди критериев оценки развития общества; восприятие природы как предпосылки существования сообщества, а не объекта собственности; специфическое восприятие частной собственности как временного владения частью общей по сути своей собственности; господство непосредственно-эмоциональных, а не функционально-ролевых отношений; фатализм, конформизм и внешний локус-контроль; доминирование традиций и авторитарной системы управления, а не писаного права) фиксируется четкое доминирование среди россиян норм традиционалистского сознания. По всем остальным можно говорить о противоречивом сочетании особенностей традиционалистского мировосприятия и сознания эпохи модерна.

4. Учитывая незавершенность процесса социокультурной модернизации в России, вполне естественно сосуществование в ней групп, различающихся степенью "продвинутости" их в трансформации мировоззрения и поведенческих норм. Все эти группы демонстрируют сосуществование как характерных для эпохи модерна, так и типично традиционалистских взглядов, хотя и в разной пропорции. Более того, достаточно типична для современной России ситуация, когда отказ от традиционалистских норм не приводит к принятию ценностей модерна, заменяясь прагматизмом и утилитаризмом.

5. Группы с разным типом мировоззрения различаются по составу их представителей, однако различия эти связаны, скорее, с культурными особенностями этих групп, нежели с социально-профессиональными или социально-демографическими их характеристиками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Тихонова Н.Е. О традиционализме и модернизме в российском обществе // Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализа. М., 2005⁶.

Тихонова Н.Е. Россияне на современном этапе социокультурной модернизации // Общественные науки и современность. 2006. № 1.

Тихонова Н.Е. Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства // Общественные науки и современность. 2005^а. № 6.

Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа). Статья 1 // Общественные науки и современность. 2008. № 2.